

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Научная статья

УДК 929: [94(470-057:159.923-055.2) «175/181»(045)

doi: 10.17223/19988613/76/1

«Всем обязана лишь себе самой»: Роксандра Стурдза – обретение идентичности в эпоху трансформаций конца XVIII – начала XIX в.

Оксана Александровна Драч

Киевский университет им. Бориса Гринченко, Киев, Украина, o.drach@kubg.edu.ua

Аннотация. Интерес к гендерной проблематике в современном мире стимулирует изучение ретроспективы женского жизненного опыта через деконструкцию имеющихся эго-документов. В статье рассматривается обретение идентичности юной Роксандрой Стурдзой, наследницей влиятельных родов господарей Молдавии и Валахии. Раскрываются факторы становления ее личности, модели поведения и способы действия в условиях эмиграции семьи в Российскую империю на фоне геополитических трансформаций конца XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: Роксандра Стурдза, молдавская княжна, семья, светское общество, фрейлина

Для цитирования: Драч О.А. «Всем обязана лишь себе самой»: Роксандра Стурдза – обретение идентичности в эпоху трансформаций конца XVIII – начала XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 76. С. 5–11. doi: 10.17223/19988613/76/1

Original article

«I owe everything to myself only»: Roxandra Sturdza – acquisition of identity in the era of transformations of the late 18th – early 19th centuries

Oksana A. Drach

Boris Grinchenko Kyiv University, Kyiv, Ukraine, o.drach@kubg.edu.ua

Abstract The article studies the acquisition of identity by the young Roxandra Sturdza, offspring of the influential families of Moldavian and Wallachian lords. The study is based on the socio-symbolic approach that focuses on the level of sense and meanings conveyed by the individual in the story of own life. The events described are the stages of life experience through which the subject develops the dialectic of identity and difference, exclusion and inclusion, proximity and distance. The source base of the study is personal documents: memoirs written by Roxandra Edling (Sturdza), published in Russian and French, as well as correspondence with Joseph de Maistre.

Having obtained a proper home education in a provincial estate, Roxandra started mastering the wisdom of social life in St. Petersburg when she was 15. The ultimate goal of determining the girl's destiny was marriage, and contributing factors were wealth, attractiveness, or the highest patronage. The Sturdzas decided to secure the future of their daughter and procured her appointment as a maid of honor. Taking that as a chance, Roxandra concentrated her communication efforts on the influential princess Charlotte von Lieven and the house of naval commander Pavel Chichagov. The key moment for the maid of honor became the meeting with the ideologist of political conservatism Joseph de Maistre. Roxandra was a welcome companion for his "philosophical meals": the femininity of her manners and appearance was combined with her male mind and will. The attention of the European philosopher and diplomat expanded her social contacts in the capital. Countess Varvara Golovina helped Roxandra Sturdza in her appointment as the maid of honor for the wife of Tsar Alexander I. Since 1809 Roxandra became the maid of honor for the Empress Elizabeth Alexeievna. As a result of the investigation, the author came to the conclusion that the study of the subjective parameters of female experience contributes to a rethinking of the historical process, both contradictory and ambiguous. Difficult external circumstances of M. Sturdza's growing up - emigration to the Russian Empire, deterioration in the financial situation of the family, living in a provincial estate in the Mogilev Governorate surrounded by the northern nature – did not deter the living principles of the heiress of the Moldavian rulers. Implanted range of virtues, devotion to the Orthodox religion, cultural potential of the "woman of the world" and the solid "educational capital" were factors that allowed the young

Roxandra to gain identity. These factors were subject to her ambitious plans, devoted to restoring of the former greatness of the Sturdza family. The circumstances of the Roxandra Sturdza's destiny show how the historical events can change the life trajectory of a certain family, as well as how the "surprising ability of communication" of inconspicuous maid of honor contributed to her rise to the entourage of Alexander I.

Keywords: Roxandra Sturdza, Moldavian princess, family, secular society, maid of honor

For citation: Drach O.A. (2022) «I owe everything to myself only»: Roxandra Sturdza – acquisition of identity in the era of transformations of the late 18th – early 19th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 76. pp. 5–11. doi: 10.17223/19988613/76/1

Имя Роксандры Стурдзы у современного читателя, даже любителя исторической литературы, вряд ли вызывает определенные ассоциации в памяти. Но более двух веков, что отделяют нас от событийной канвы ее «истории жизни», открывают новые возможности как изучения субъективных параметров женского опыта, так и переосмысления исторического процесса во всей его противоречивости и неоднозначности. Реконструкция жизненного мира Роксандры Стурдзы (1786–1844) позволяет ухватить индивидуальное, человеческое измерение ключевых событий российской и европейской истории конца XVIII – начала XIX в., что были составляющими ее «рисунка жизни». Она – непосредственный свидетель правления Александра I в Российской империи, работы Венского конгресса европейских государств 1814–1815 гг., более того – идейная вдохновительница «Акта о Священном союзе», который обязывал монархов защищать христианские ценности. В историографии имя Роксандры Стурдзы эпизодически упоминается в контексте изучения персоналий, с которыми наша героиня тесно общалась, или событий, где ее сопричастность общеизвестна.

Наиболее основательной работой в персональном аспекте до сих пор является исследование переписки Роксандры с французским религиозным философом Жозефом де Местром и французским литературоведом Ш. де Сент-Бёвом, опубликованное А. Марковичем в 1939 г. в рамках издательского проекта «Литературное наследство» [1]. Публикацию исследователь сопроводил детальным освещением ключевых жизненных этапов героини, он попытался воссоздать ее мыслительный склад, вписать ее индивидуальность в общую духовную атмосферу петербургского высшего света, выявить побудительные мотивы деятельности.

В современной научной литературе имя Роксандры Стурдзы всплывает в очерках о жизни императрицы Елизаветы Алексеевны, чьей фрейлиной она служила [2]. Упоминают о Роксандре и в работах, посвященных ее младшему брату Александру Стурдзе, – писателю, государственному деятелю, дипломату [3. С. 5; 4. С. 158; 5. С. 178]. В аспекте событийном фамилия Стурдза (сестра и брат) становится объектом изучения в контексте выявления их ролей в истории создания Священного союза, а также обоснования персональной значимости Роксандры в формировании его идейного пространства [6].

Отметим, что в Украине интерес к семье Стурдза актуализируется в контексте историко-региональных исследований одесских краеведов и журналистов, чье внимание привлекает филантропическая и меценатская деятельность ее представителей в регионе [7].

Гордятся именитой землячкой («девушкой с амбициями») и молдавские коллеги, не преминувшие поместить очерк о Роксандре Стурдза в краеведческий сборник «Бессарабские истории» [8].

Резюмируя вышеизложенное, имеем все основания констатировать отсутствие на сегодняшний день специальных научных исследований, посвященных жизни и деятельности Роксандры Стурдзы. Подготовленная статья открывает цикл исследований ее личности, задача которого – выявить факторы обретения идентичности, формирования «ментального мира» женской личности, модели поведения и способы действия в условиях трансформаций конца XVIII – начала XIX в.

Источниковую базу изучения жизнедеятельности Роксандры Стурдзы составляют мемуары («Записки»), написанные ею на французском языке в 1829 г. На время составления «Записок» она уже носила фамилию мужа – графиня Едлинг, под которой они были опубликованы на русском [9] и французском языках [10]. Методический арсенал изучения источников неразрывно связан с подходами, продиктованными постмодерной гуманитаристикой. Исходя из статуса «первоисторичности личности», автобиографический анализ, содержащийся в «Записках» Р.С. Едлинг (Стурдзы) приобретает самоценный и в определенной степени самодостаточный характер, а ее «история жизни» превращается в акт смыслоконструирования и придания целостности во многом спонтанному женскому жизненному опыту.

Роксандра Стурдза, появившаяся на свет в Константинополе 12 октября 1786 г., по рождению принадлежала к знатнейшей и богатейшей фамилии Османской империи. Ее дед Константин Мурузи (грек по происхождению) был Молдавским господарем (1777–1782) и полиглотом. Влиятельность княжеского рода Мурузи обязывала найти подходящую партию для старшей дочери Султаны Константиновны (1762–1836) – матери Роксандры. Честолюбивый отец остановил свой выбор на представителе молдавского боярского семейства Стурдза – Скарлате Дмитриевиче (1750–1816). Таким образом, в семье С.Д. Стурдзы объединились ветви двух влиятельных родов – Стурдза и Мурузи, представители которых были господарями Молдавии и Валахии.

Отец нашей героини – Скарлат Дмитриевич Стурдза – получил обязательное для наследственного аристократа блестящее образование: окончил Лейпцигский университет, – и начал служебную карьеру в Османской империи. Но его жизненные обстоятельства оказались непосредственно вовлеченными в событийную канву российско-турецкого противостояния за влияние в Черноморском регионе и на Балканах,

основой чего на протяжении веков выступал религиозный фактор.

Как обмечают исследователи, активизация продвижения российских интересов обусловлена «греческим проектом» Екатерины II, предполагавшим создание новой Греческой империи на Востоке [11. С. 34]. Апеллируя все той же религиозной преемственностью, Россия выступала теперь в качестве естественной избавительницы греков от ига неверных. Это обстоятельство вносило в возникавшие между россиянами и греками отношения новый оттенок, ибо Россия оказывалась не только покровительницей Греции, но и ее наследницей [Там же. С. 36].

В условиях геополитического противостояния двух империй православный С.Д. Стурдза, наследник одного из древнейших родов молдавского боярства, известного поддержкой борьбы христиан за освобождение от турецкого гнета [12. С. 181], оказался в ситуации личного выбора: сохранить верность служебной присяге османскому султану или встать под знамена освободителей малой родины от неверных, т.е. принять сторону России. Он выбрал последнее и во время российско-турецкой войны 1787–1791 гг. был членом дивана Молдавского княжества, который возглавляла российская администрация, подчинявшаяся главнокомандующему.

Условия Ясского мирного договора (29 декабря 1791 г.) предусматривали возврат Молдавии и Валахии под турецкое господство. Подтверждались привилегии, предоставленные населению Молдавии и Валахии договором 1774 г. [13. С. 287–288]. Однако, опасаясь преследований со стороны турецких властей, значительное число жителей покинули Молдавское княжество, большинство из них переселились за Днестр. Логично предположить, что подписание Ясского мира усложнило положение Скарлата Дмитриевича при султанском дворе, и потому биографы Стурдзы считают политическую подоплеку основанием решения семьи эмигрировать в Россию.

Не довольствуясь традиционными объяснениями, осмеливаемся предположить, что сменить подданство и покинуть родину (Молдавское княжество) семью Стурдза–Мурузи вынудило что-то более значимое. До конца прояснить ситуацию помогают эго-документы, где дочь отмечает: «Мне было пять лет, когда родители мои решились покинуть страну свою и поселиться в России» [9. С. 194]. Анализ материалов «Записок» приоткрывает завесу семейных распрей между матерью Султаной Константиновной и ее старшим братом Александром Константиновичем Мурузи (1750–1816), спровоцированных смертью их отца. Несомненно, дочь была хорошо информирована о семейном конфликте, и ее взгляд на ситуацию изнутри восполняет лакуны официальных биографов. Предполагаем, что предметом раздоров между родными братом и сестрой Мурузи стало богатое отцовское наследство. Именно фамильные раздоры, по мнению дочери, склонили семью С.Д. Стурдзы принять приглашение российской стороны. Через сорок лет после этого судьбоносного решения родителей Роксандра Скарлатовна откровенно отметила, что в дальнейшем они нередко сожалели об этом [Там же].

Жизнь в новой северной стране, как свидетельствует семейная история, была нелегкой. Управлять молдавскими имениями из Санкт-Петербурга, где отныне проживала семья Стурдза, было невозможно, а длительные поездки через всю страну изматывали Скарлата Дмитриевича. Кроме того, обнаружились и довольно меркантильные причины – расстройство огромного состояния, оставленного в управление чужим людям. Проживать в Санкт-Петербурге большой семьей, где подрастало пятеро детей, было довольно накладно. Выходом стало переселение в провинцию. Дочь отмечает, что отец купил в Могилевской губернии имение (Устье) – «убежище для молдавских эмигрантов» [Там же. С. 195].

Бремя повседневных хлопот об устройстве имения, воспитании и образовании детей на новом месте с достоинством несла мать нашей героини. Целеустремленная и настойчивая дочь молдавского господаря преобразовывала жизненное пространство семьи в соответствии со статусными установками, немалое влияние на которые, несомненно, оказывала ностальгия по родным южным местам. Очень скоро белорусское имение Стурдзы могло похвалиться прекрасными садами, палисадниками и невиданными в северном климате растениями [Там же].

Приоритетом женской миссии традиционного общества, конечно же, была роль матери, функционально несущей ответственность за здоровье, уход, воспитание и подготовку детей к будущей жизни. Султане Константиновне необходимо было взрастить наследников в вере предков, светских понятиях и принципах, неотъемлемой составляющей чего было хорошее образование.

Появившаяся на свет в православной семье поданных Османской империи, Роксандра принадлежала к родовой аристократии (молдавское боярство). Няня-гречанка знакомила девочку с бытовой культурой, основанной на общечеловеческих и этнических ценностях, неотъемлемой составляющей которой было и «наслоение» религиозной аксиологии. Именно этой «на редкость верующей женщине», опекавшей Роксандру и ее младшего брата Александра, приписывают значительное влияние на формирование их религиозного мировоззрения [12. С. 181]. Уважение к религии внушал детям с ранних лет также «истинно благочестивый христианин отец» [9. С. 195].

Немаловажным аспектом становления личности ребенка было формирование гендерной идентичности, что предполагало четкие воспитательные установки для каждого пола. Без сомнения, дочь растили в соответствии с традициями семейного окружения Стурдза–Мурузи, но уже с поправкой на новое подданство родителей (Российская империя). Семья всерьез занималась воспитанием детей, не просто повторяя опыт своих родителей, а внося новое, требуемое временем. Это создавало благоприятные возможности для диалога педагогических традиций и культур. Таким образом, в процессе целенаправленного обучения ценностям культуры в домашней обстановке маленькая Роксандра испытывала влияние взаимоотношения идентичностей [14. С. 214].

Эпоха «просвещенного» XVIII в. выдвинула и новые социальные задачи, где образцом был европейски образованный человек, предъявив при этом серьезные требования к формированию личности не только мальчиков, но и девочек. Образцом женского стиля бытового поведения в исследуемый нами период была «образованная женщина – особа, владевшая одним-двумя иностранными языками, умеющая прекрасно излагать свои мысли и в разговоре, и на бумаге; она следит за новинками литературы и искусства, занимается самообразованием. Такая женщина умеет поддержать разговор на любую тему; она играет на музыкальных инструментах, танцует; всегда модно и уместно одета; ее манеры безупречны» [15. С. 214]. Соответственно, дворянских дочерей обучали «наукам и искусствам», которые помогали реализовать господствовавший идеал.

Отметим, что в глухой белорусской провинции начала XIX в. семья Стурдза имела наставников для домашнего обучения детей. Способствовал этому иноземный опыт проживания, поскольку, как отмечают исследователи, учителей и гувернанток в дворянские семьи Российской империи выписывали из-за границы [14. С. 99]. Усадьба Стурдзы напоминала академию: в ней постоянно жили несколько преподавателей, среди которых своей образованностью выделялся Jean Joseph Doragne, прибывший вместе с ними из Турции. Именно учителя, по воспоминаниям Роксандры, скрашивали долгие зимние вечера в родительском доме [9. С. 195]. Результатом немалых педагогических усилий стала основательная образованность детей, включая девочек, свободно владевших французским, новогреческим и молдавским языками, сведущих в истории, философии и риторике. В последующем этот «образовательный капитал» Роксандры станет ключевым фактором ее социальной реализации.

Не менее важной составляющей был воспитательный потенциал наследников, включавший знание норм этикета, утонченных форм поведения, внешнего изящества. Повседневная жизнь дворян подчинялась правилам приличия (распорядок дня, одежда, еда, «убранство интерьера», прием гостей, застолье), и эти многочисленные правила усваивали с ранних лет, в процессе социализации под руководством опытных наставников [16. С. 4]. Главным достоинством светского человека было умение соблюдать нормы этикета легко и естественно, с чем Роксандра в дальнейшем отменно справлялась и в петербургских гостиных, и в качестве хозяйки в родительском доме.

Кроме того, девушкам внушались христианские идеи любви и всепрощения, верности старинным устоям, благочестия, идеалы жертвенности и служения. Но, как отметила Роксандра в мемуарах, «чтение многих философских сочинений потрясло в нас веру» [9. С. 195]. По сути, ребяческую набожность сменило молодое вольнодумство. К тому же воспитание на примерах античных героев сформировало у юной Роксандры не только обязательный спектр добродетелей. Рассказы педагогов посеяли и зерно честолюбия в благодатной душе наследницы молдавских господарей, которое со временем прорастет.

Взросление детей определило очередной этап в жизни семьи Стурдза, целью которого было совершенствование их образования и знакомство со светской жизнью столичной знати. В 1801 г. Роксандра с родными покидает провинциальную усадьбу в Могилевской губернии и переселяется в Санкт-Петербург. Судьбоносность этого события в мемуарах она связывает с «дней Александровых началом».

Долгое затворничество семейства Стурдза в провинции не способствовало сохранению прежних связей в Санкт-Петербурге, а потому многообещающие контакты надо было создавать заново. Однако это происходило плохо, со значительными усилиями и скромными итогами, среди служебных обид и семейных несчасть [1. С. 380].

Роксандра начала осваивать светскую жизнь столицы в скромном кружке («кружок греческих патриотов») [17. С. 593]. Провинциалка откровенно скучала в непривычной обстановке, но безропотно исполняла условия салонной среды. Отсутствие привычной девичьей восторженности и просто внутренней удовлетворенности от двухлетнего петербургского однообразия наша героиня выказывает в «Записках», отмечая собственный энтузиазм от кратковременного возвращения семьи в белорусское имение [9. С. 197]. Но радость длилась недолго. Смерть сестры вследствие внезапной и скоротечной болезни стала тяжелой утратой для семьи, и особенно для Роксандры, которая лишилась друга детства. Очень скоро семью постигнет еще одно испытание – смерть старшего сына.

Чтобы отвлечь дочь от тяжелого уныния, родители выхлопотали ей место фрейлины при дворе, что обязывало Роксандру вернуться к светской жизни (осень 1805 – первая половина 1806 г.). Постигшие семью испытания определенно стали фактором взросления девушки и переосмысления ничем не примечательного предыдущего опыта светской коммуникации. Отныне она – старший ребенок в семье; на нее возлагали надежды, и это ко многому обязывало.

В свою очередь, со стороны родителей дополнительным фактором усиленных забот о Роксандре было желание «пристроить дочь», внешне непримечательную и без богатого приданного. Так как основной социальной жизни женщины являлось замужество, то семейное сообщество прилагало к этому значительные усилия. Те, кто не был замужем, в большинстве жили хуже, к ним относились с жалостью или даже подозрением [18. С. 84]. И в этом контексте служба фрейлиной при дворе расширяла для 19-летней Роксандры возможности устройства ее дальнейшей судьбы.

Начав службу на положении фрейлины без специального назначения («их императорских величеств»), «не имея ни покровительства, ни богатства, ни замечательной наружности», Роксандра осознала, что ей уготована более чем скромная роль [9. С. 198]. Но наделенная природным интеллектом, воспитанная в духе классических греко-византийских образовательных традиций, она выказала врожденную сметливость.

Приоритетом личных усилий девушки было возобновление благополучия семьи Стурдза, где на подходе вступления в столичное общество были еще младшие

дети – брат Александр и сестра Елена. Основами ее поведенческой линии и коммуникации в светском обществе были откровенность, благожелательность и простота поведения. Без показного выпячивания Стурдза пыталась снискать уважение и дружбу нужных людей метким словом, движением, взглядом, предоставляя возможность сторонним оценивать ее [9. С. 199].

Апробацию избранной жизненной тактики она начала в двух местах: в окружении вдовствующей императрицы и в доме морского министра П.В. Чичагова. При дворе Марии Федоровны она сосредоточила внимание на старой графине Ш.К. Ливен, воспитательнице великих княжон. Потраченные усилия были вознаграждены: она была замечена и допущена к частому общению с княжнами. Благоприятные отзывы влиятельной графини Ливен о новой подопечной в обществе императрицы-матери обеспечили Роксандре расположение последней. Более того, вскоре Стурдзе стало известно, что она уже накануне фрейлинства у «вдовствующей» [1. С. 380]. Подчеркнем, что именно графиня Ливен была центром всех интриг при Александре I; и от нее зависела дальнейшая судьба служащих людей [19. С. 192].

Вторым центром обретения Роксандрой знакомств стал дом морского министра Чичагова, чему способствовало давнишнее (на правах соседей по белорусскому имению) знакомство с хозяином. При этом быть вхожим в дом адмирала непросто, его характеризуют «как, быть может, самый закрытый во всем Санкт-Петербурге» [20. С. 58]. На приемах, устраиваемых министром Чичаговым, бывало много иностранцев, и судьба свела Стурдзу с влиятельными личностями эпохи, среди которых ревностный католик, идеолог политического консерватизма Жозеф де Местр и его брат, посол Наполеона в России, маркиз Арман де Коленкур.

Плеяда замечательных личностей среди знакомых Роксандры дополнилась и ее соплеменниками. В родительском доме она сблизилась с князем Ипсиланти, сыном Валахского господаря, их родственником, который нашел прибежище в России. Но наиболее примечательным в своей жизни через призму десятилетий Роксандра Стурдза считает знакомство с графом И.А. Каподистрия, греческим патриотом, посвятившим жизнь идее освобождению родины и перешедшим на дипломатическую службу к Александру I после Тильзитского мира (1807).

Общую атмосферу столичного высшего света начала XIX в. влиятельная современница характеризовала как «офрануженное общество, где эмигранты и иезуиты были своими людьми» [21. С. VI]. Роксандра не преминула извлечь из него все, что могло питать ее мечты и помогать ее стремлениям. Особо подчеркнем влияние на наследницу молдавских господарей Жозефа де Местра, который неординарностью положения в петербургском свете, своими идеями и личными особенностями воплощал искомое ею. Основой их сближения стало родственно-общее ощущение жизни. Она, как и он, чувствовала себя «родов униженных обломком» [1. С. 384]. Они оба были изгнанниками, желающими укорениться на новой стране, что так и не стала родиной. Для обоих прошлое – это блестящее

положение их семей на родовой земле; настоящее – постоянное осознание своей жизненной второстепенности (полунужда / полудостаток, полуунижение / полупочет) при избытке гордости и сил; будущее – прежде всего восстановление прошлого, борьба за реставрацию, за возвращение того, что было, при помощи того, что есть.

Публичными оппонентами мыслителю и апологету католицизма в салоне Чичагова отваживались быть немногие. Но наделенная умом Роксандра осмеливалась. Жозеф де Местр оценил и поддержал такое дарование начинающей собеседницы, что она отметила в своих «Записках»; особая склонность, выказываемая ей Местром, подтверждается его письмами [1. С. 392–394; 9. С. 200]. Ее беседы с авторитетным интеллектуалом выстраивались по модели учитель–ученица, подчас она осмысливала предлагаемые опытным метром принципы применительно к своей судьбе – к родовым утратам в прошлом, к двойственному положению в настоящем, к большим притязаниям на будущее.

В лице Роксандры, которая выказывала склонность к мистике, великий оратор масонской ложи Жозеф де Местр, казалось, нашел благодатную почву для распространения своих идей. Анализ их переписки дает возможность определить «духовную пищу», рекомендованную ей наставником для прочтения, а именно три капитальных сочинения, посвященных католицизму, мистике и политике: речи проповедника Ж.-Б. Масийона, труды известного мистика и духовного отца мартинов Л.-К. де Сен-Мартена, а также собственную работу де Местра «Размышления о Франции» [1. С. 396]. Перечень книг, необходимых для ознакомления Mademoiselle, как именует ее философ в своей корреспонденции, дает основания предположить, что, кроме явного интереса к ее уму, были и скрытые намерения «благодетельного педагога»: сделать из внимательной ученицы последовательницу католической веры.

Но неприметная Роксандра, чей генотип выбрал многопоколенный византизм, прекрасно понимала важность сохранения своей наследственной православноности для нынешнего момента и особенно будущего. В словесных баталиях на религиозную тематику, где со стороны Местра, близкого к иезуитам, главенствовала целевая установка к унии Русской православной церкви с Римом, невозмутимая оппонентка, ясно видя это, не утруждала себя поиском контраргументов. Молдавская княжна сразу дала понять своему метру, что «сознательно предана своей церкви», возведя неприступную стену в этом аспекте их общения [9. С. 200].

Роксандра – желанная собеседница для Местра, поскольку в ее существовании имелось то, чего требовала «философская трапеза»: женственность ее манер и облика сочеталась с мужским складом ума и воли. В свою очередь, и для начинающей свои шаги в петербургском свете Р. Стурдзы дружба с влиятельным мыслителем была полезной. «Все знали об удовольствии, которое он находил в разговорах со мною, и это обращало на меня общее внимание», – так через два десятилетия Роксандра воздаст должное своему проводнику в светском восхождении [Там же]. К тому же

Местру было уже за шестьдесят, а Роксандре только за двадцать. Эта почти сорокалетняя разница в возрасте помогает оценить моральное удовлетворение, какое должна была испытывать Стурдза.

В суете светского общения Роксандра всегда помнила о главном: продвижении интересов семьи Стурдза. Политический романтизм сочетался в ней с житейской трезвостью. Роксандра была со «старой партией»; старики представлялись ей надежнее в том аспекте, что покровительство статс-дамы графини Ливен и фрейлины графини В.Н. Головиной скорее и ближе вело к цели. Действительно, таланты и красноречие последней, а также ее близкая дружба с императрицей Елизаветой Алексеевной делали ее салон приятным, а потому Роксандра сочла целесообразным поддерживать контакты с хозяйкой. При этом Стурдза «не дала себя совратить в католичество» проживавшей в доме Головиной эмигрантке принцессе Тарентской, статс-даме казенной королевы Марии-Антуанетты [10. С. 45; 21. С. XVII].

Как отмечает очевидец, «при дворе, где красота всегда предпочиталась уму, в Роксандре Скарлатовне Стурдзе видели только безобразнейшую из фрейлин, и все от нее отдалялись» [22. С. 567]. Но долгожданный «случай» сблизил ее с молодой императрицей Елизаветой Алексеевной. Роксандра дала себя заметить одной из влиятельнейших женщин «молодого двора» – графине В.Н. Головиной, чье содействие обеспечило назначение Р.С. Стурдзы фрейлиной к жене царя Александра I.

Впоследствии оказалось, что это было частью продуманного плана «старой партии» постепенного окружения молодой императрицы иными людьми, нежели она сама себе выбрала [1. С. 380]. Впрочем, для Роксандры такая комбинация обусловлена в первую очередь семейными обстоятельствами, а именно ее настойчивым желанием «определиваться жить во дворце, чтобы не оставлять брата в столице без руководства и присмот-

ра в связи с отъездом родителей в имение» [9. С. 199]. При этом императрице «казалось невероятным, чтобы мать согласилась разлучиться со мною» [Там же. С. 208].

Новая патронесса Роксандры – императрица Елизавета Алексеевна (урожденная принцесса Баденская) – выделялась интеллектуальностью, склонностью к уединению, отстраненностью от политики и жизни двора, бездетностью и неудачной семейной жизнью. Многие современники видели в ней фигуру романтическую, страдающую и исполненную нравственных достоинств [2. С. 188]. Роксандра разделяла бытующее мнение и «почитала ее несчастною, воображала, что она нуждается в женщине-друге, и готова была посвятить себя ей» [9. С. 208].

«Фрейлиной ее величества императрицы», т.е. уже состоящей при Елизавете Алексеевне, Роксандра именуется с 1809 г. [1. С. 394]. Именно эту дату можно считать рубежной в новом периоде жизни фрейлины Стурдзы: «...тогда ее распознали и невольно стали благодетель перед необыкновенным превосходством ее ума» [22. С. 596]. Но за показным преклонением угодников новоназначенная служащая, воспитанная проникательной матерью, сумела разглядеть простую человеческую зависть [9. С. 209].

Хронология влиятельности (1807–1812) Жозефа де Местра в среде «старой партии» высшего общества Санкт-Петербурга, основывавшаяся на его неофициальной, но общеизвестной роли секретаря Александра I, коррелирует с пятилетием, ставшим для Роксандры решающим в завоевании положения при дворе, сближении с императором. Если графиня Головина сыграла главную роль в том, что Стурдза получила фрейлинство, то, в свою очередь, именно Местр сблизил Роксандру с самой Головиной. Взлепаянный в девичьих мечтах случай представился: с 1809 г. фрейлина императрицы Елизаветы Алексеевны Роксандра Стурдза отмечена современниками в своем возрастающем влиянии.

Список источников

1. Маркович А. Жозеф де Местр и Сент-Бев в письмах к Р. Стурдзе-Эдлинг // Литературное наследство. М. : Ин-т мировой лит., 1939. Т. 33. С. 379–456.
2. Лямина Е., Эдельман О. «Не стану я жалеть о розах»: интеллектуальный гардероб императрицы // Российские императрицы. Мода и стиль. Конец XVIII – начало XX века. М. : Кучково поле, 2013. С. 188–201.
3. Романюк В.П., Ершов Л.А. Быть, а не казаться: Александр Стурдза и его время. Киев : Автограф, 2004. 295 с.
4. Лямина Е. Несостоявшийся вкладчик «Современника». О бытовании устных мемуаров в пушкинском кругу // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи : в 2 ч. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006. Ч. 1. С. 151–169. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/541993.html> (дата обращения: 13.11.2018).
5. Минаков А.Ю. А.С. Стурдза: интеллектуальная биография православного мыслителя // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 176–194.
6. Парсамов В.С. «Апокалипсис дипломатии» («Акт о Священном союзе» в интерпретации К.-В. Меттерниха, баронессы Крюденер, Жозефа де Местра и Александра Стурдзы) // Освободительное движение в России. Саратов, 2003. Вып. 20. С. 44–66.
7. Губарь О. Эдлинг Роксандра Скарлатовна (1786–1844) // Они оставили след в истории Одессы : одесский биографический справочник. URL: <http://odessa-memory.info/index.php?id=454> (дата обращения: 12.11.2018).
8. Тарнакин В., Соловьева Т. Девушка с амбициями // Тарнакин В., Соловьева Т. Бессарабские истории : историко-краеведческие журналистские расследования. Киев : Pontos, 2011. С. 151–154.
9. Еще из записок графини Эделинг, урожденной Стурдзы : с неизданной французской рукописи (писано в 1829 г.) // Русский архив. 1887. Вып. 2. С. 194–228; Вып. 3. С. 289–304; Вып. 4. С. 405–440.
10. Edling R. Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza) demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'impératrice Elisabeth Alexeevna. Moscou : Imprimerie du S-t Synode, 1888. 284 p. URL: <https://archive.org/details/mmoiresdelacomt00edlligoog/> (accéder: 10.11.2018).
11. Зорин А. Корня двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое лит/ обозрение, 2001. 416 с.
12. Фурсенко В. Эдлинг, графиня Роксандра Скарлатовна // Русский биографический словарь А.А. Половцова. СПб. : Тип. Главного упр. уделов, 1912. Т. 24. С. 181–184.
13. Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между Империею Всероссийскою и Оттоманскою Портою в Яссах 29.12.1791 // Полное Собрание Законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 33. С. 287–293. URL: <http://doc.hist.ru/18/yasskiy-mimnyu-dogovor/> (дата обращения: 15.11.2018).

14. Солодянкина О.Ю. Иностранные гувернантки в России (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). М. : Academia, 2007. 512 с.
15. Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б. Русское женское образование в XVIII – начале XX вв.: приобретения и потери // Мир истории. 2000. № 6. URL: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/06-00/women.htm> (дата обращения: 15.04.2017).
16. Лаврентьева Е.В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет. М. : Молодая гвардия, 2007. 166 с.
17. Степанов М. Жозеф де Местр в России // Литературное наследство. М. : Жур.-газ. объединение, 1937. Т. 29/30: Русская культура и Франция. С. 577–726.
18. Абрамс Л. Формирование европейской женщины новой эпохи. 1879–1918. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 408 с.
19. Из дневника П.Г. Дивова // Русская старина. 1900. Вып. 1. С. 187–194.
20. Де Местр Ж. Петербургские письма. 1803–1817 / сост. Д.В. Соловьева. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 336 с.
21. Записки Варвары Николаевны Головиной (1766–1819) / под ред. Е.С. Шумигорского. СПб. : Тип. Суворина, 1900. Разд. паг.
22. Вигель Ф.Ф. Записки : в 2 кн. М. : Захаров, 2003. Кн. 1. 608 с.

References

1. Markovich, A. (1939) Zhofef de Mestr i Sent-Bev v pis'makh k R. Sturdze-Edling [Joseph de Maistre and Sainte-Beuve in letters addressed to Roxandra Edling-Sturdza]. In: Makashin, S.A. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 33. Moscow: Institute of World Literature. pp. 379–456.
2. Lyamina, E. & Edelman, O. (2013) “Ne stanu ya zhalet' o rozakh”: intellektual'nyy garderob imperatritsy [“I won't regret about the roses”: intellectual wardrobe of the Empress]. In: Balan, S. & Shakirova, T. (eds) *Rossiyskie imperatritsy. Moda i stil'. Konets XVIII – nachalo XX veka* [Russian empresses. Fashion and Style. The late 18th – early 20th century]. Moscow: Kuchkovo pole. pp. 188–201.
3. Romanyuk, V.P. & Ershov, L.A. (2004) *Byt', a ne kazat'sya: Aleksandr Sturdza i ego vremya* [To be, rather than to seem (Alexandru Sturdza and his times)]. Kiev: Avtograf.
4. Lyamina, E. (2006) Nesostoyavshisya vkladchik “Sovremennika”. O bytovanii ustnykh memuarov v pushkinskom krugu [A frustrated contributor to “Sovremennik”. On the oral memoirs in the Pushkin circle]. In: Kiseleva, L. et al. (eds) *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: “Vek nyneshniy i vek minuvshiy”: kul'turnaya refleksiya proshedshey epokhi* [Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: “The current century and the past century”: cultural reflection of a past era]. Vol. 1. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastu. pp. 151–169.
5. Minakov, A.Yu. (2016) A.S. Sturdza: Intellektual'naya biografiya pravoslavnogo myslitelya [A. Sturdza: Intellectual Biography of the Orthodox thinker]. *Khristianskoe chtenie – Christian Reading*. 1. pp. 176–194.
6. Parsamov, V.S. (2003). “Apokalipsis diplomatii” (“Akt o Svyashchennom soyuze” v interpretatsii K.-V. Metternikha, baronessy Kryudener, Zhofefa de Mestra i Aleksandra Sturdzy) [“Diplomacy apocalypse” (“Act of the Holy Alliance” in the interpretation of Klemens von Metternich, baroness Krüdener, Joseph de Maistre and Alexandru Sturdza)]. *Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii*. 20. pp. 44–66.
7. Gubar, O. (2016) Edling Roksandra Skarlatovna (1786–1844). In: *Oni ostavili sled v istorii Odessy: Odesskiy biograficheskiy spravochnik* [They left a mark on the history of Odessa: Odessa biographical guide]. [Online] Available from: <http://odessa-memory.info/index.php?id=454>
8. Tarnakin, V. & Solovieva, T. (2011) *Bessarabskie istorii: ist.-kraevedcheskie zhurnalistskie rassledovaniya* [Bessarabian stories: historical and local history journalistic investigations]. Chisinau: Pontos. pp. 151–154.
9. Edling, R.S. (1887) Eshche iz zapisok grafini Edeling, urozhdennoy Sturdzy. S neizdannoy frantsuzskoy rukopisi (pisano v 1829 g.) [More from the memoirs of Princess Edling, nee Sturdza. From the unpublished French manuscript (written in 1829)]. *Russkiy Arkhiv*. 2. pp. 194–228.
10. Edling, R. (1888) *Mémoires de la comtesse Edling (née Stourdza) demoiselle d'honneur de Sa Majesté l'impératrice Elisabeth Alexeievna*. Moscow: Imprimerie du S-t Synode. [Online] Available from: <https://archive.org/details/mmoiresdelacom00edligooog/>
11. Zorin, A. (2001) *Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* [Feeding the two-headed eagle ... Russian literature and state ideology in the last third of the 18th – first third of the 19th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
12. Fursenko, V. (1912) Edling, grafinya Roksandra Skarlatovna [Edling, Princess Roksandra Skarlatovna]. In: Polovtsov, A.A. *Russkiy biograficheskiy slovar' A.A. Polovtsova* [Russian Biographical Dictionary by A.A. Polovtsov]. Vol. 24. St. Petersburg: Tip. Glavnogo upr. udelov. pp. 181–184.
13. Russia. (1830) Traktat vechnogo mira i druzhby, zaklyuchenny mezhdu Imperieyu Vserossiyskoyu i Ottomanskoyu Portoyu v Yassakh 29.12.1791 [Treatise of eternal peace and friendship concluded between the All-Russian Empire and the Ottoman Porte in Iasi on December 29, 1791]. In: *Polnoe Sobranie Zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 33. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 287–293. [Online] Available from: <http://doc.histrf.ru/18/yasskiy-mirnyy-dogovor/>
14. Solodyankina, O.Yu. (2007). *Inostrannye guvernantki v Rossii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Foreign governess in Russia (second half of the 18th – first half of the 19th centuries)]. Moscow: Academia.
15. Ponomareva, V.V. & Khoroshilova, L.B. (2000). Russkoe zhenskoe obrazovanie v XVIII – nachale XX vv.: priobreteniya i poteri [Russian female education in 18th – early 20th centuries: gains and losses]. *Mir istorii*. 6. [Online] Available from: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/06-00/women.htm>
16. Lavrentieva, E.V. (2007) *Povsednevnyaya zhizn' dvoryanstva pushkinskoy pory. Etiket* [Daily life of the nobility in the Pushkin times. Etiquette]. Moscow: Molodaya gvardiya.
17. Stepanov, M. (1937) Zhofef de Mestr v Rossii [Joseph de Maistre in Russia]. In: Zilberstein, I.S. (ed.) *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 29/30. Moscow: Zhur.-gaz. ob"edinenie. pp. 577–726.
18. Abrams, L. (2011) *Formirovanie evropeyskoy zhenshchiny novoy epokhi. 1879–1918* [Formation of a European woman of the new era. 1879–1918]. Moscow: HSE.
19. Divov, P.G. (1900) Iz dnevnika P.G. Divova [From P.G. Divov's diary]. *Russkaya starina*. 1. pp. 187–194.
20. De Maistre, J. (1995) *Peterburgskie pis'ma. 1803–1817* [The St. Petersburg letters. 1803–1817]. St. Petersburg: INAPRESS.
21. Shumigorskiy, E.S. (ed.) (1900) *Zapiski Varvary Nikolaevny Golovinoy (1766–1819)* [Memoirs of Varvara Golovina (1766–1819)]. St. Petersburg: Typography Suvorina.
22. Vigel, F.F. (2003). *Zapiski: v 2 kn.* [Memoirs: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Zakharov.

Сведения об авторе:

Драч Оксана Александровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всемирной истории Киевского университета имени Бориса Гринченко (Киев, Украина). E-mail: o.drach@kubg.edu.ua

Information about the author:

Drach Oksana A. – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor of the Department of World History, Borys Grinchenko Kyiv University (Kyiv, Ukraine). E-mail: o.drach@kubg.edu.ua

Статья поступила в редакцию 19.12.2019; принята к публикации 22.02.2022

The article was submitted 19.12.2019; accepted for publication 22.02.2022